

Иван Денисенко

ГОРОД В КРАТЕРЕ

16+

Иван Денисенко
Город в кратере

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Денисенко И. С.

Город в кратере / И. С. Денисенко — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Коллектив газеты, обречённой на закрытие, получает предложение – переехать в неведомый город, расположенный на севере, в кратере. Очень скоро журналисты понимают, что обрели больше, чем ожидали. Потому что наступает осень, и звёздный свет серебрист, и кто-то должен развести костёр в заброшенном маяке... Нет однозначных ответов, но выход есть для каждого. Неслучайно жанр книги определен как «повесть для тех, кто совершает путь». «Город в кратере» – попытка автора найти свой выход.

Слова, записанные аккуратным почерком на первой странице толстой клетчатой тетради в чёрной кожаной обложке с обтрёпанными краями:

...И ведь иногда надо прожить почти всю жизнь, чтобы однажды открылась истина, о существовании которой ты и не подозревал, но чей слабый свет всегда освещал твой путь в темноте, выползающей из придорожных канав.

И ведь надо пережить бесконечное множество имён и событий, чтобы однажды оказаться в самом начале и понять, что силы и годы были брошены на постижение чего-то настолько простого и очевидного, что заплакать бы, да нечем.

Надо пропустить через себя уготованное, постичь предназначенное, принять предназначённое – и тогда в дверь твоего жилища однажды постучат особенным образом, и за минуту до этого стука ты поймёшь, что путь пройден...

1.

Газета «Вечерний Черепец» доживала последние дни. Маленькому городу, скованному долгами, не требовалось своё издание. В городе вообще было невесело этой весной. Постоянно шёл дождь, ветер гонял мусор по безлюдным переулкам.

В один из последних майских дней, похожих на ночь, заместитель мэра волевым решением отправил редакцию в свободное плавание. Он был человеком, тонко понимающим душу народа, и чтобы смягчить горечь обречённости, подписал журналистам почётные грамоты.

Оставалось выпустить последний номер, получить расчёт – и разойтись. Ещё несколько дней в обычном режиме – с пониманием того, что каждый из них приближает к пустоте. Искать работу бессмысленно: она давно закончилась. На городском мосту прибавилось рыбаков, люди толпами ехали на участки и, вставая на колени, пытались умиловить землю теплом и заботой.

Анатолий Павлович Бердин, редактор газеты, был человеком деятельным и желчным. Химик по образованию, он втайне считал журналистику никчёмным занятием, но она кормила, и он презирал её молча. Презирать оставалось несколько дней.

Когда тень надежды окончательно покинула редакцию, Анатолию Павловичу позвонили. Человек на том конце провода назвался Серафимом, сказал, что хочет предложить работу, и попросил аудиенции.

– Сегодня вечером я ненадолго окажусь в вашем городе, – сказал он. – Насколько знаю, местные кафе к тому часу уже закроются. Если это удобно, я мог бы заглянуть к вам домой.

Бердин торопливо назвал адрес.

Остаток дня прошёл в ожидании. Периодически заглядывали журналисты, он отвечал им невпопад. Нина Авдотьевна Стародумова написала очередной текст об успехах областных аграриев. Саша домучила статью о хоре ветеранов. Николай Львов принёс набор слов с заседания горсовета. Пару раз Бердин удивлялся, что не заглядывает Редьярд Князев, но сразу вспоминал, что тот уже неделю как уволился, не видя смысла оставаться.

В прошлом году редактор вышел на пенсию и особых иллюзий не питал: в таком возрасте трудно куда-то устроиться. А потому и ухватился за неожиданный звонок, как за соломинку. Наступил вечер, и весь мир вместе с ним замер, ожидая гостя, незнакомца в плаще, покрывающего пространство пешком или верхом, несущего свет надежды.

Особенно неуютно было в комнатке, выходящей на юго-восток: за её окном с мая по сентябрь висела неведомая белая звезда, чья сверкающая точка прожигала тёмно-зелёные шторы, вызывая чувство разлада. Бердин не любил эту звезду, она казалась ему тревожной. Сегодня в илистом небе было непроглядно: и звезду, и красные лампочки на поскрипывающих крыльях – всё слизал шершавый язык нелётной погоды.

Звонок в дверь раздался в полночь, одновременно с раскатом грома. Пришедший оказался человеком среднего роста и неопределённого возраста, с мокрыми волосами, собран-

ными в хвостик. Редактор смотрел с любопытством, смотрел глазами, чей цвет трудно было определить за стёклами очков.

– Серафим? Очень приятно. Вы без зонтика?

– Я не люблю зонты, Анатолий Павлович, – ответил гость, снимая куртку. – Где мы можем поговорить?

Они прошли в зал, заставленный книжными шкапами. Редактор сел за дубовый стол, доставшийся в наследство от прадеда, который тоже был редактором, гость расположился в кресле. Жаль, он не обратил внимания на большое чёрно-белое фото за спиной. Там был запечатлён Бердин в образе Хемингуэя: с мужественной бородой и в свитере с высоким горлом.

– Спасибо, что согласились встретиться, – Серафим достал платок и вытер лицо. – Время позднее, давайте сразу к делу. Я посмотрел вашу газету. И хочу сказать, что вы подходите идеально. Стопроцентное попадание. Нужный человек в нужном месте – такое случается раз в сто лет. А тут всё срослось. Большая удача.

– Очень приятно, – вежливо сказал редактор.

– Дело в том, – продолжал Серафим, – что там, на севере, в большой белой пустыне, есть город. В нём выходила газета, потом перестала. Надо возобновить её выпуск. Я хочу, чтобы вы с коллегами занялись этим.

Бердин пожевал губами. Предложение было слишком неожиданным.

– Расскажу чуть подробнее. В центре города стоит завод, и все окружающие дома налипли на него со временем, как моллюски на борт корабля. Ещё там есть магазины с товарами, театр со спектаклями и музей с выставками. Жизнь бьёт ключом. Но теперь, когда перестала выходить единственная газета, у людей пропало чувство смысла. Зачем делать что-то, о чём нигде не напишут?

Бердин потёр лоб. Ему не приходило в голову воспринимать газету в таком ключе. Источник информации – да, но смысла!

– А почему газета перестала выходить? – растерянно спросил он.

– Коллектив ушёл. Люди были не очень стойкие, перегорели. Но вы – совсем другое дело. Я верю, что как раз вы и сможете справиться с этой работой. Понимаю, переезд – дело непростое, но имейте в виду, ваш коллектив будет обеспечен жильём, каждому полагается отдельная квартира на время работы. Что же касается денег... – он протянул бумажку. – Это годовой бюджет. Треть суммы – ваша. Остальное – делите между сотрудниками по своему усмотрению.

Бердин не удержался и нервно забарабанил пальцами по столу. Увиденные цифры взволновали, это было как перед первым поцелуем.

– Когда ехать? И надолго?

– Как будете готовы, так и поезжайте. По срокам... давайте так: мы подпишем договор на год, а там – захотите, пролонгируем, не захотите – воля ваша.

– Мне надо поговорить с коллегами, – хрипло сказал редактор.

– Разумеется, – улыбнулся Серафим. – Я перезвоню послезавтра.

Он вышел. В прихожей хлопнула дверь, и только тогда Бердин очнулся и подумал, что надо было проводить гостя. И ещё подумал о том, что станет спасителем тонущего редакционного корабля. Да-да, он, именно он...

В эту ночь редактор спал беспробудно и глубоко, и не видел снов, и ничего не чувствовал, словно и не было его в этом мире.

А за окном ночь отвешивала мокрые пощёчины случайным прохожим и разбивалась, падая на решётки канализационных люков. Ночь проникала на голубиные чердаки и в мышьиные подвалы, скапливалась в сводах подземных лабиринтов.

Глазницы заброшенных строек Черепца равнодушно смотрели на опустевшие улицы. В спящих домах сквозняк волновал шторы и занавески – казалось, бесчисленные глазные яблоки

тяжело ворочаются под веками, перебирая пёстрый хлам дневных впечатлений – привычных и предсказуемых.

Краткая запись, сделанная на той же странице, что и предыдущая, блаженно пахнувшая ночным октябрьским морозом и частично накрытая выцветшей кофейной кляксой:

Тому, кого выбрал путь, предстоит открыть великое множество дверей, и ни одна из них не будет последней, и за каждой будет продолжение. И есть такие двери, между которыми плачут от счастья, и такие, между которыми теряют веру и сходят с ума – разные двери есть. И между одними кромешный свет, между другими – кромешная тьма, но лучше не пытаться подсмотреть в замочную скважину, потому что скважины созданы не для глаз, а для ключей. Кто впадает в сомнения и подсматривает, а не смотрит, тот теряет время и может быть наказан тупиком. Идущему же даётся пространство впереди. Узкий коридор, тропинка через поля, расступившиеся воды, ветвистая перспектива просеки – идущему вперёд.

2.

– На себя тяни, на себя! – кричал худой жилистый старик.

Редьярд собрался с силами, оторвал проклятую стиральную машинку от бетонной ступеньки и попятился, поднимаясь. С другой стороны её держал старик, его измученное лицо с набухшими прожилками лежало на исцарапанной поверхности.

Князев шатался от усталости. Дыхание перехватывало, нижний край машинки впивался в пальцы. Когда этажом выше они установили её в ванной, настойчиво взыскующей ремонта, его замутило, но он сдержался, и только отметил с удивлением, что в голове образовалась пустота. Ни одной мысли.

Оставалось поднять ещё несколько сумок. Задыхаясь и рассматривая сбитые ладони, Князев спустился вслед за стариком.

– Не своим ты делом занимаешься, – с досадой сказал тот, закуривая. – Не обижайся, но я с тобой больше не работаю. Ты и себе спину сорвёшь, и мне заодно. Вот эти вещи сейчас докидаем, а там извини, всё. На следующий заказ я другого напарника поищу.

Странное дело, Редьярд почувствовал облегчение. Остаться без работы – проще, чем много раз за день умирать на каждой ступеньке одинаковых серых лестниц. В поясице ныло, тонкая, хорошо наточенная боль полосовала и простреливала.

На базу возвращались молча. Князев тербил усы и думал о старике – тот каждодневно преодолевал свою изношенность: у него были внуки, безработный зять и дочь-растяпа, всем требовалось помогать. «Кто есть у меня?» – Князев не мог сообразить ни одного имени. Со Светланой расстались, не нажив детей, родителей уже нет, а друзья... у бывшего моряка друзья всегда разбросаны по миру.

– Василий Фёдорович, – сказал он деду, когда они доехали до базы – складского помещения с несколькими ржавыми гаражами на окраине, – ты не обижайся, я и правда не своим делом занялся. Просто время сейчас такое, работы нет.

Доковылял до Анжелы, яркой цветущей девицы, отвечающей за персонал, написал заявление «по собственному желанию», тут же получил расчёт – смешные крохи, на которые можно протянуть ещё неделю. Когда Князев шёл к остановке, с трудом волоча ноги, дождь приутих, в воздухе посветлело – и в кармане затренькал телефон.

– Ред! – радостно прокричала трубка голосом Николая Львова. – Похоже, есть работа для всей редакции. Бердину предложили какой-то проект, он попросил тебе позвонить. Мы уже все на месте, ты когда можешь подъехать?

Князев смог через полчаса – город был невелик, пассажирские автобусы быстро добились с окраины в центр, где дома были на два-три этажа выше, а на площади в окружении кустов сирени грустно чернел Пушкин. Поэт никогда не посещал эти края, зато здесь проезжал кто-то из его ссыльных друзей-декабристов. Уже один этот факт давал Черепцу право на прописку в пушкинской географии.

Николай увидел Редьярда в окно и вышел навстречу.

– Давай скорее, – торопил он, глядя сверху в лестничный пролёт. – Бердин ничего не рассказывает до планёрки, мы уже все извелись. А ты чего хромаешь?

– Да так, новый опыт получал. Грузчиком работал. Вот что, давай-ка покурим перед совещанием?

Формулировка была условна: Львов не курил, но охотно составлял компанию, когда надо было поговорить или помолчать за пределами кабинета.

– Как это тебя в грузчики занесло?

Князев пожал плечами и прищурился, выпуская дым. Сейчас он был выжат и пуст.

Несмотря на остроту момента, Анатолий Павлович не стал отменять планёрку – он любил говорить и не собирался лишать себя удовольствия. В этот час, заглазно прозванный «часом токования», редактор забывался. Он ворковал, клокотал, закатывал глазки – и напрасно было возражать и переспрашивать: он не слышал ничего.

– Начнём с плана, – он заглянул в бумаги. – Всё очень плохо, я вообще не знаю, как мы выпустим этот номер. Саша, где заметка о новой книжке писателя Скворцова? Только не надо говорить, что она на согласовании.

– Она на согласовании, – обречённо призналась Саша. – Не хотела портить отношения.

Бердин усмехнулся. В таких случаях он всегда говорил одно и то же, только немного разными словами, не стал делать исключение и в этот раз:

– Вы напоминаете мне одну мою коллегу... Это было сорок лет назад... Тогда журналистам было хорошо известно, что такое пунктуальность. Вам этого не понять...

Львов и Князев переглянулись, но неожиданно Бердин прервался и подобрался. В его осанке появилась монументальность.

– А впрочем, – сказал он, – всё это неважно. Коллеги, надо обсудить один проект. Как вы знаете, начался экономический кризис. Но я был бы плохим руководителем, если бы смирился с этим...

Воробей на ветке за окном видел, как люди в комнате напряжённо смотрели на одного человека, а потом завертели головами, стали улыбаться, ёрзать и раскрывать рты. Звуки не проникали через стекло. Ещё воробей заметил, что тот, на кого все смотрят, неуклонно раздувается и обрастает сиянием и пухом. «Наверное, это их главный самец», – подумал воробей.

Запись, сделанная неровным почерком, вероятно, в тёмное время суток и при обстоятельствах, не благоприятствующих письменной работе:

В школе нам внушали, что всякая формула что-то выражает, а каждое уравнение имеет решение. Мы так привыкли писать цифры после знака равенства, что не можем себе представить, что этим знаком всё заканчивается.

Икс плюс игрек – это не вопрос, это констатация, которая не подразумевает необходимость озвучивать сумму. Ведь дело не в ней, а в том, что именно икс именно плюс именно игрек.

Знак равенства – как причал, уходящий в густой туман над утренним озером. Чему равна сумма взаимодействующих цифр по эту сторону знака равенства? Для каждого есть своё решение, потому что каждый приходит к причалу со своим грузом, и нет двух одинаковых грузов, как нет двух одинаковых пассажиров, и нет двух одинаковых иксов, игреков и плюсов...

3.

Николай Львов жил в пятиэтажке на окраине, среди котлованов, арматуры и газонов, обрамлённых автомобильными покрывками. Это было царство любителей пива и домино, рассадник ларьков и замороженных строек. Во дворах звенели воробьи и носились дети, не желающие идти обедать.

Однокомнатная квартира в центре этой локации досталась Николаю в наследство – от бабушкиной сестры, ушедшей несколько лет назад. У неё была болонка Чижик, ненадолго пережившая хозяйку. Белые собачьи волоски присутствовали во всех пасхальных куличах, которые старушка каждый год пекла в большом количестве. Она была бездетна, но однажды, сомлев от употреблённой по случаю Первомай водочки, рассказала внуку, что в молодости имела ребёнка, девочку: дитя скончалось, не протянув и года.

Николай часто вспоминал об этом. Ему казалось странным, что жизнь, загоревшаяся однажды, угасла без следа: ни документов, ни фотографий, ни свидетелей. Выходило, он один знал об этом. Однажды Львов пошёл в храм, чтобы помянуть девочку, которая, вероятно, вообще могла оказаться выдумкой. Но даже если она приходила в мир и была наречена, он не знал её имени, и Христос, замерший в ожидании над затепленной свечкой, так и не дождался упоминания, кого же конкретно надо приветить в бескрайнем небесном Царствии.

Сегодня Львов был весел. Он с детства рвался из Черепца, просто с ума сходил от жажды странствий, но не мог преодолеть инерцию бытия: то ли стартовой скорости не хватило, то ли время не пришло. Теперь же появилась надежда.

Николай извлёк из пакета и развернул большую, яркую, глянцевую карту африканского континента. Он давно присматривался к ней, регулярно навещая магазин при картографической фабрике. Пробыл час: далёкий материк, символ и образ, прильнул к стене над кухонным столом.

На полке справа располагалась коллекция авиамоделей. Это была гордость Львова: он покупал и собирал самолётики, преимущественно первой половины двадцатого столетия. В искусственных птицах той поры было больше дерзости и музыки, чем в их детях и внуках, таких предсказуемых, таких безупречных.

Африка на карте, самолёты в миниатюре. Макет мечты, проецирование чаяний.

– Чилилабомбве, – с удовольствием читал Николай. – Гандаджика, Бандунду, Абакалики, Тафава-Балда, Майгатари...

В названиях играло солнце, они пахли пряностями и напоминали заклинание: в каком порядке ни прочитай, что-нибудь да выйдет. Собственно, на интересе к путешествиям Николай и сдружился с Князевым. Тот был моряком, радистом, объездил полмира, а теперь, застряв на малой Родине, охотно вспоминал. Он знал: опасно всё время вспоминать, если при этом никуда не едешь, но и не вспоминать не мог.

– Ого! – воскликнул Князев с порога, увидев карту. – Какие знакомые места! – и, подойдя, заулыбался: – Знакомые, знакомые... – извлёк из сумки бутылку коньяка. – Давай стопки. Этот пузырёк я заработал честным трудом. Вот этими самыми руками.

Выпили, помолчали, с удовольствием чувствуя, как внутри растекается тепло. Умяли по ломтику безвкусного вялого сыра, снова выпили – неторопливо, весело, с лёгким сердцем. Заговорили об одном, о другом, о третьем – и так и переходили с темы на тему, не углубляясь, окрылённые радостью спасения.

Коньяк закончился скоро. Львов нырнул в морозилку и вытащил початую бутылку водки. Лёгкий весёлый иней обнимал стекло, в котором колебалась тягучая от холода жидкость.

– Слушай, а Расскажи ещё раз про Африку? – попросил, разливая.

Это был их давний ритуал: один любил рассказывать, другой – слушать. Вспоминая, Князев каждый раз мостил дорогу памяти новыми словами и речевыми оборотами, с удовольствием меняя угол зрения и наслаждаясь выпуклостью, ошутимостью прошлого.

– Помню, было много жёлтого, такого, знаешь, с уходом в золото. Тусклое золото, яркое золото, песчаное, солнечное – разное. И вот это жёлтое было густым, как желток, и радостным, как цыплёнок. Синее было, да, синее тоже. Такие, знаешь, разводы, очертания, в белых прожилках. Самые разные оттенки: от бледного до тёмного. Небесный цвет, морской цвет...

Ему вдруг вспомнилась женщина из племени химба. Её лицо казалось вылепленным из глины. Да и не лицо это было, а маска, тысячи лет пролежавшая в песках пустыни Намиб в окружении мёртвых деревьев. Большие маслянистые глаза, расставленные широко, говорили об инопланетном происхождении, а волосы, собранные в толстые пучки, нисходили, переплетаясь с многочисленными кольцами такого же ярко-коричневого цвета. В тот единственный вечер, когда Ред видел её, она хлопотала у своего жилища, похожего на осколок яйца птицы Рух. Кормила коз, покрикивала на детей, пела – на других планетах те же заботы, что и на Земле.

– Зелёный, – подсказал Николай.

– Зелёный, да-да, это очень важный цвет, но его там не так много, как у нас. В основном на женских браслетах. И не малахитовая зелень, а изумрудная. Знойная зелень листьев, спасающих от расплавленного золота, которое льётся с синевы. Белый – капельками, пятнами. Белки глаз, белые улыбки, ослепительная известь высохших раковин, хрупкая белизна скелетов среди песчаного жёлтого цвета. Ну и без красного не обойтись, Африка без красного немислима. Все эти накидки, роспись, высохшая глина, красный цвет ночного пламени, восхода и заката, звериного глаза, перьев и языков. Красные звуки, красные запахи...

– За Африку?

– За неё, родимую!

И они опрокинули, одновременно подумав о том, что, возможно, в этом районе и в этом городе есть и другие квартиры, где прямо сейчас люди, тоскующие по солнцу, выпивают за далёкий континент из детских сказок.

«– Детство я помню смутно. Дело в том, что отец был военным, мы часто переезжали. Самые первые воспоминания – большая шумная коммуналка в старом доме. Мама потом рассказывала, что этот дом строили китайцы, у нас же с ними был период сильной дружбы. Помню толстого белого кота, таз, в котором меня купали. Маленькую кухню, в которой постоянно клубился противный пар с запахами капусты, свёклы, чего-то такого растительного, несъятного. Но всё это – как в тумане, фрагментами.

– А в каком городе это было?

– В каком-то маленьком закрытом городке на севере, точно не знаю. Там была такая интересная особенность, вокруг городка находилась равнина, выстеленная белым песком – в тех местах раньше протекала река, она исчезла, а песок остался. Но, если честно, я эту равнину не помню, мне про неё родители говорили...»

Виталий Бочков: между кино и театром. – Газета «Всё о звёздах», № 15/2006.

4.

Два дня, оставшиеся до завершения работы, были полны предчувствий. Тем сложнее было доделывать номер газеты, которая уже не существовала.

Саша готовила статью о новой книге черепецкого литературного мастодонта – писателя Аристарха Скворцова. Это был истинный громовержец, руководитель местного отделения федерального союза, наставник поросли, которая в недобрый час оказывалась на его пути. Человек широкой души, он имел склонность к рукоприкладству на почве несовпадения взглядов, поэтому менее крепкие коллеги старались не гневить легенду. Недавно у Скворцова вышла очередная книга, и Саша начала звонок с поздравления.

– Благодарю, голубушка, – пропыхтел классик, тяжёлый с похмелья. – Извините, одну секундочку... – и, не прикрывая трубку, рывкнул куда-то в сторону: – Позже, всё позже, у меня интервью... Прощу меня простить. Так вот...

Далее последовал пространный монолог. Автор был человеком опытным, он знал все вопросы наперёд, поэтому отвечал, не дожидаясь их. Безусловно, Саша хотела узнать его мнение о судьбах русской литературы. Наверняка её интересовало, как ему удалось создать такие яркие образы. Ну и, конечно же, ей не терпится спросить о тайных смыслах и мастерски спрятанных аллюзиях.

Минут через десять Саша неловко попрощалась и поплелась этажом выше, к кофейному аппарату – запивать послевкусие. Ей вослед, пронзая столетия, звучал обличительный смех русского сатирика Скворцова.

Нелегко было и Стародумовой. В последнее время на неё всё чаще находило странное затмение: она переставала понимать написанное и порой подолгу сидела, всматриваясь в привычные сочетания, за которыми не было ничего. Это пугало, но она не делилась ни с кем, списывая всё на усталость.

«Поддержка фермерства... почему поддержка, о чём речь? Надои, покосы, уборка... сто тонн навоза, тысяча литров молока... модернизация техники, гусеницы тракторов... губернатор приехал и уехал... торжественно перерезали ленточку... хлеб да соль, сельская кооперация, борьба с пожарами...»

Иная забота была у Николая – транспортные потоки, воспеваемые им, резко оскудели. Вместе с ними исчезли заторы и начались сокращения. Железнодорожники сдавали свои синие мундиры и оранжевые робы – и шли с удочкой на мост или ехали за город, где вставляли на колени и молились чернозёму. Сотрудники транспортной милиции в свете происходящего тоже теряли места, а оставшиеся охраняли пустые вагоны, цистерны и всякие важные объекты, с которых граждане пытались тащить всё, что хоть отдалённо походило на цветмет.

Бердин постоянно выходил из кабинета и бродил между столами, заложив руки за спину. Он был счастлив: проявил лидерские качества, спас коллектив.

Согревало и ещё одно обстоятельство. В городской администрации работал пресс-секретарём Игорь Почкин, одноклассник редактора и оппонент по жизни. В школе Бердин под одобрительные вопли пацанов регулярно валял пухлого Игорька в снегу – беззлобно, для удовольствия. Почкин ничего не забыл и, оказавшись на госслужбе, воздал мучителю сполна: газета была зависима, каждый номер требовалось согласовывать, и процесс этот проходил заковыристо и неспешно.

– Анатолий Павлович, вот тут не очень красиво написано, вообще как-то не по-русски, – добродушно журил Игорь Андреевич. – Теперь переходим ко второму абзацу. Видите предложение «Участники конкурса прислали много работ»? Нашли, да? Ну что же у вас так неинтересно написано, даже читать не хочется. Это же всё-таки о людях текст, а не о картошке. Напишите лучше так: «много ярких, интересных и талантливых работ».

– Сука, – стонал Бердин, положив трубку. – Сука, сука, сука.

А Почкин с наслаждением потирал руки. Ему вспоминался холодный снег за шиворотом, ранец, которым играли в футбол, и отобранные бутерброды. Он знал, что самоуверенный Толик никуда не денется – пока выходит газета, и когда встал вопрос о её закрытии, не на шутку расстроился. Почкин приложил массу усилий, стараясь переубедить заместителя мэра, и даже написал коллективное обращение от лица общественности, которое сам же в неверном свете Луны бросил в почтовый ящик, дрожа и озираясь. Всё было тщетно: газета доживала последние дни.

Он знал, что Бердин – человек желчный и после согласования последнего номера возжелает высказаться. Поэтому, доведя редактора до белого каления и поставив подпись на утвер-

ждённых полосах, Игорь Андреевич не стал брать трубку, когда тот перезвонил. Телефон пел. Жертва, обретшая свободу, желала говорить, а инквизитор грустно смотрел в окно и вздыхал.

«Уважаемая редакция! С начала этого года через наш город на север регулярно проходят большие караваны из грузовых автомобилей. Ходят слухи, что везут материалы, необходимые для строительства нового космодрома. Мы, советские люди, с гордостью и живым интересом воспринимаем все новости об успехах нашей великой Родины в деле покорения космоса. Хотелось бы узнать и о новом космодроме, если, конечно, такое строительство действительно ведётся. Не могли бы вы прояснить этот вопрос для общественности?»

С уважением, Алексей Гребешков, сотрудник проектного бюро им. И.В. Кочетова».

От редакции.

*Тов. Гребешков, спасибо за письмо! На ваш вопрос отвечает заместитель начальника Черепецкого военного округа **И.Ф. Павлов**:*

«Слухи о создании нового космодрома не соответствуют. Упомянутые грузовые экспедиции организованы для снабжения военных поселений, расположенных севернее г. Черепец, а также для переоснащения инфраструктурных объектов с учётом последних достижений науки. С нашей стороны приняты все меры для сопровождения экспедиций во время следования через территорию Черепецкого военного округа».

Газета «Вечерний Черепец», №18/1964.

5.

Трудно объяснить и осознать, но долгожданный переезд остался в памяти у всех набором смутных видений. Было что-то такое туманное и шероховатое, с запахом бутербродов и шумом ветра.

Запомнилось: когда до города оставалось километров сто, автобус неожиданно утонул в густом тумане. Вдоль дороги потянулись ограждения, похожие на огромные скрепки, они летели, как дикие гуси, соблюдающие дистанцию.

Потом призрачное марево рассеялось – и начались белые земли. Серафим рассказывал, что в тех краях протекала река, от которой осталось только песчаное дно, но всё равно это было ошеломительно: крошечная белизна, на которую больно смотреть.

Журналисты молчали, прилипнув к окнам, время от времени засыпая и просыпаясь. Это была мучительная поездка по осколкам сновидений, грёзы мешались с явью, слышался ровный гул ветра, и трудно было понять, сколько времени уже прошло – и сколько ещё должно пройти. Неизменна была лишь фигура водителя.

В один момент вдалеке стали угадываться высокие стены, они всё явственнее проступали в белом, и когда автобус нырнул в расщелину, бодрствующих оглушила внезапная зелень густого, сильного леса.

Всё это сохранилось фрагментами. Вспоминая, журналисты извлекали из памяти фрагменты, и в целом выходило нечто фантастическое, но единой картины не получалось. Зато всем хорошо запомнилась встреча с Серафимом перед отъездом. Загадочный работодатель попросил принести стулья и сесть в круг.

– Я рад, что вы приняли моё предложение, – сказал он, встречаясь глазами с каждым из присутствующих. – Постарайтесь запомнить то, что я сейчас скажу.

Слова, которые принёс гость, были помещены на сложенный вчетверо клетчатый листок, он ждал своего часа и теперь неожиданно выпорхнул из нагрудного кармана, оказавшись в руках: читай меня, читай.

– Вы должны терпеть навязчивых. Прощать надменных. С пониманием относиться к недовольным. Кто-то покажется придуманным – обращайтесь с ним как с настоящим. Чужую чрезмерность списывайте на собственную недостаточность. Чужую малость – на собственную избыточность. Старайтесь быть своевременными и уместными во всём, особенно в ошибках. Помните: за всякой стеной есть пространство, за безвременьем начинается эпоха, а за абсурдом таится смысл. Ещё помните, что основное движение совершается не ногами, а душой, и кто заблудился, пусть смотрит не вокруг, а в глубину.

Добравшись до конца страницы, он быстро сложил и убрал бумажку в карман.

– Это если в общем и целом, – уточнил Серафим. – От себя добавлю: обязательно почитайте послание Павла к коринфянам. Так сказать, для личного роста. Пригодится. Замечательно написано! Вопросы есть?

Журналисты переглянулись.

– Честно говоря, удивительно, что в период кризиса решено приступить к новому проекту, – неуверенно сказал Николай. – Правильно ли я понимаю, что каждый из нас будет обеспечен жильём?

– Именно так. У города есть маневренный фонд, так что этот вопрос мы с администрацией решили. На каждого выделена однокомнатная квартира. Мебель, холодильник, стиральная машинка – в общем, всё, что надо.

– А кто выступает заказчиком? – поинтересовался Князев.

– Я. У меня очень много работы, для встреч времени нет совсем, так что всю информацию, включая темы для публикаций, Анатолий Павлович будет получать от меня по почте.

– Серафим, хотелось бы узнать подробнее о городе, – сказал Бердин. – Я не нашёл его на картах. А это, как вы понимаете, не может не смущать.

– Хорошо искали? – улыбнулся Серафим.

– Да уж лучше некуда. Если верить картам, севернее Черепца тянется лесная и затем лесотундровая пустошь. На всём расстоянии до океана – а это почти тысяча километров! – есть лишь десяток небольших поселений.

– Ну что ж... Давайте с самого начала. В один из дней земной истории на равнину упал метеорит. Это привело к исчезновению реки и появлению воронки таких размеров, что в ней легко разместился целый город, а между ним и стенами кратера выросли леса. Этот городок носит статус секретного – власти решили воспользоваться удачным местом и разместили там производство для оборонки и космоса, а также ряд экспериментальных лабораторий. В силу статуса его и не стали заносить на карты. И получается, что этого города как бы и нет вовсе.

– Как же так? – удивился Бердин. – Разве это возможно?

– Почему нет? Если у человека нет документов и знакомых, получится, что он вроде как и не существует, верно? Нет такого человека. С городом та же самая история. Кто о нём знает? Почти никто, кроме тех строго засекреченных экипажей, которые прибывают, чтобы забрать партии оборудования и поставить заготовки, а также продовольствие. Город нельзя найти вот ещё по какой причине – под ним проходит мощный излом земной коры, что даёт интересный геофизический эффект... Это место не увидеть со спутников, над ним не летают самолёты, до него невозможно дойти своим ходом, без специальных средств. Это как бермудский треугольник.

– Ох, Серафим, вы нас не пугайте... – сказала Нина Авдотьевна.

– Я не пугаю, я, наоборот, стараюсь заинтересовать... Коллеги, если вопросов больше нет, мне, к сожалению, надо откланяться – дела не ждут.

Вопросов не было.

– Странно это всё, – спустя неделю бормотал редактор, бороздя своё новое жилище, по планировке похожее на черепецкую квартиру. – Ну ничего, мы этот город разъясним.

Бердин-Хэмингуэй молча следил за ним со стены. Несколько книг эффектной толщины, старинная чернильница, в которую макал своё перо прадед Бердина, выпел со значками спортивной тематики, пара бюстов (один кудрявый и один лысый), чистая бумага для мудрых мыслей – всё это, привезённое, было выложено и готово к новой жизни.

Редактор посмотрел в окно. Трубы дымили в небо, а за морем разномастных крыш – плоских и треугольных, крытых шифером и черепицей – и ещё дальше, за чёрными верхушками леса, за тающей в тумане бурой полоской высоченной земляной стены – мерцало, парило в воздухе белое сияние.

6.

Вообще-то Саше не хотелось никуда ехать, по натуре она была домоседкой. Впрочем, это не удержало её когда-то от переезда в Черепец, областной центр, где был университет – в родных пенатах нечего было делать после школы, некогда крупное село неуклонно чахло, теряя молодую кровь, молодые силы.

Родители отпустили с грустью, понимая, что дочь, единственный и поздний ребёнок, должна искать своё место в жизни. Поначалу пытались придумать какое-нибудь дело, которым она могла бы заняться, вернувшись в село с дипломом, но постепенно бросили уговоры.

– Не надо ей сюда ехать, – говорил отец. – Ни женихов толковых, ни работы.

– А мы-то как? – вздыхала мать. – Силы-то уже не те.

– А как всегда, – парировал он, притягивая к себе жену крепкой ещё рукой. – Вот как раньше, так и теперь. У всех так, Аннушка. Ведь и мы с тобой не просто так здесь завелись, тоже откуда-то приехали. Пускай учится, работает, себя ищет. Дочка у нас хорошая, грех жаловаться.

– Путешественница ты у нас, – гордо сказал он, когда Саша позвонила и сообщила о новом городе. – Может, тебе консервацию прислать? Мамка тут банок накрутила.

Переезд пришёлся кстати – отношения с пресс-секретарём хора ветеранов, худощавым, подвижным юношей, достигли стадии оскорбительной инерционности.

– Значит, ты всё уже решила? – удовлетворённо кивнул он, услышав об отъезде. – Что ж. Спасибо за то, что была. Хочешь чаю?

У Саши внутри стало кисло и муторно. Она осмотрела стол в бумагах, стену в афишах хора ветеранов, скользнула взглядом по окну: с одной стороны пыль, с другой дождь – и вышла. Трудно оставаться в месте, которое закончилось, не начавшись, в неподвижной точке кипящего космоса.

Так и расстались: тихо и неощутимо, словно сухая ветка отпала. Через день из памяти стали исчезать черты, ещё через день замигало, стираясь, имя. Это было странно – и приносило облегчение.

Саша вздохнула и стала разбирать сумки. Чтобы создать свой уголок в этой ещё не освоенной части мироздания, требовалось заполнить его знаками пребывания. Чайник встал на плиту, часы взлетели на стену, одежда упала в кресло.

Как и в черепецкой квартире, место в углу, над столом, заняла картина «Богоматерь сухого древа» Петера Кристуса. Саша обожала эту работу. Дева с Младенцем стоит внутри огромного тернового венца, и красный плащ Марии кажется каплей крови на шипах. На голых ветвях покачиваются золотые альфы – рождественская ёлка в конце времён. И фон – холодный, глубокий... как ночное небо перед снегопадом... только глубже и тревожнее...

С высоты пятого этажа открывалась чудесная панорама: крыши разных форм и расцветок. За ними покачивались тёмные верхушки деревьев, ещё дальше в обе стороны полз огромный хребет. Саша распахнула окно и, чуть свесившись (прядь каштановых волос – на глаза), огляделась: хребет непрерывной линией уходил за дом.

– За стеной – белая пустыня... Странное всё-таки место. Кто эту пустыню видел? Никто не видел. Кто её помнит? Никто не помнит.

Вспомнились статьи о земных кратерах, прочитанные перед поездкой. Следы древних столкновений, видные лишь с неба, на протяжении эпох медленно угасали под натиском ветра и дождя, оползали в планетных конвульсиях, распадались на холмы, уходили в провалы. И только серебристые приборы, налипшие на орбиту, смогли найти их на подвижной земной тверди. А что под водой – то под водой...

Ночью девушка проснулась от мерцания. Протёрла глаза и сначала испугалась, а вдруг пожар, но такой отовсюду веяло тишиной, что тут же успокоилась. Серебристое свечение наполняло воздух над городом.

А ещё слышался мелодичный звон, и нельзя было понять, исходит он от звёзд или имеет другую природу. Как перед появлением Серебряного копытца – или как от ширмы: нити, уни-занные дымчатыми стекляшками. И всё вокруг чудо и обряд – и эта ночь, и звон, и запроки-нутая голова, и смутный блеск влажных зубов.

Саше вспомнилось, как в детстве на даче у бабушки она ловила перед сном светляков. Когда их набиралось достаточно, закрывала банку и несла в дом. Бабушка целовала её в лоб горячими сухими губами, похожими на высохшие дольки апельсина, выключала свет, и тогда девочка выпускала пленников. Тёмная комната, в которой так хорошо пахло летом и цветами, наполнялась множеством живых звёздочек, трогательной и хрупкой магией жучков, одетых в тёмно-зелёную броню.

Она вспомнила про них теперь, стоя у распахнутого окна. И все остальные, приехавшие с ней в город, тоже стояли и смотрели, не в силах оторваться.

7.

Утром журналисты собрались у входа в здание, где располагалась редакция. Серафим ещё вчера показал им этот трёхэтажный серый дом с высокими окнами, они проезжали мимо.

Бердин сдержанно поздоровался с коллегами. Он был взволнован.

На первом и втором этажах здания находились офисы, всюду бегали люди в пиджаках. На лестничном пролёте курили двое.

Под редакцию были отведены два смежных помещения на третьем этаже.

Журналисты поднялись по широкой бетонной лестнице, имеющей необычную конструк-цию: три пролёта она шла вверх и только потом стала поворачивать. Ключ легко вошёл в сква-жину старой деревянной двери, щелчок – и перед журналистами открылся затерянный мир, заброшенный бункер.

На полу и на столах, на стульях и покосившихся полках этажерок в беспорядке груды-лись книги и газеты, стопки чёрно-белых фотографий, обломки деревянных рам и замшелые стаканы. Лохмотья пыли лежали на смеющихся портретах и визитках, на блокнотах, которые были раскрыты когда-то, некогда, допрежь, до того как. В один из бывших дней кто-то что-то планировал, и лелеял чаяния, и имел намерения. Паутиной подёрнулись графики и планы чужих жизней.

Бердин вытащил из нагрудного кармана большой белый платок с тёмно-синей каймой и прижал его ко рту.

– Дивно, – сказал он через образчик черепецкого текстиля. – Похоже, здесь никого не было уже много лет! А насколько я понял, редакция закрылась совсем недавно. И что же теперь делать со всем этим хламом?

– Убирать! – послышался радостный голос.

Журналисты расступились, пропуская седобородого старичка в клетчатой рубашке и кепке, вооружённого шваброй и ведром. Тот уверенно вошёл в комнату, огляделся и расплылся в улыбке.

– Убирать, – повторил он. – Убирать и ещё раз убирать. Потому что каждая новая жизнь должна начинаться с уборки. Да и заканчивать, по-хорошему, надо тоже уборкой, просто чаще всего это случается неожиданно.

– Что случается? – спросила Саша.

– Ну, когда всё заканчивается, – пояснил старичок. – Иной раз и за веник взяться не успеешь, потому что надо бежать... А вы, значит, новая редакция? Давайте знакомиться: я – Иван Афанасьевич, уборщик.

– Очень приятно, – сказал Бердин, не подавая руки. – Анатолий Павлович, редактор. Насколько понимаю, вы нам можете навести тут порядок?

– Конечно, помогу, как не помочь. Работа у меня такая. Буду периодически у вас убирать, по настроению.

Бердин поднял брови.

– Что значит «по настроению»?

– А то и значит, – ответил Иван Афанасьевич. – У меня и в трудовом договоре так записано: уборку производить по настроению. Если интересно, почитайте.

– Да, пожалуй, я почитал бы, – сказал редактор.

– Но для этого вам надо найти работодателя, потому что все документы у него, а с этим сложность, – сказал старичок, опершись на швабру. – Работодателя можно увидеть только при трудоустройстве и при увольнении. В остальное время это невозможно. Вы тут новые, вам непривычно, но имейте в виду, так заведено.

– Вы что-то не то говорите, – заметил редактор. – В процессе работы всегда возникают вопросы, требующие уточнения.

– Согласен, – кивнул Иван Афанасьевич. – Вон за той дверью ваш кабинет, – он указал на дверь, которую сразу никто и не заметил: она сливалась со стеной и терялась за пылью и солнечными лучами. – А в том кабинете на столе лежит подробная инструкция, в которой написано всё, что надо знать. Кроме того, работодатель будет периодически присылать письма с новыми инструкциями и уточнениями. В общем, осваивайтесь, а я как-нибудь ещё зайду. По настроению. В строгом соответствии с контрактными обязательствами. Только постарайтесь, пожалуйста, не сильно пачкать. Не люблю, когда грязно. А сейчас освободите мне место для работы. Приходите завтра.

Журналисты вышли на улицу. Солнце и ветер бродили по городу в этот час, проулки сквозили, кроны звенели воробьиными ансамблями. Чай в ближайшем кафе был с запахом бергамота, белёсая дымка стелилась над чёрным кипятком. Обменялись впечатлениями: все жили неподалёку друг от друга, в одном квартале, всем, помимо квартиры, достался чудесный вид из окна.

– Немного напоминает городок под Воркутой, где я жила, – припомнила Нина Авдотьевна. – Стоят этажные дома, проведены все коммуникации, люди ходят, магазины работают. А вокруг – сплошная тайга, город находится в её кольце. Вот стоишь во дворе – и ты как бы в городе, а зайдёшь за дом – и всё, там уже лес. Здесь – бетон, асфальт и фонари, а там – стволы, хвоя и дупла. Или, скажем, ночью: выйдешь на балкон, а перед тобой – темнота и шорохи. Тут тоже так: дома, а потом лес, а дальше стена кратера, а за ней пустыня.

– Коллеги, не расслабляйтесь, – напутствовал Бердин журналистов, прощаясь. – Проведите время с пользой. Пройдитесь по городу, посмотрите, что тут да как. Завтра в девять утра жду вас на планёрку.

Журналисты посмотрели в его монументальную спину и с облегчением выдохнули.

– Чувствую себя как в школе, когда прогуливал уроки, – признался Николай.

Запись на клетчатой странице. Неровные строчки в трёх местах припечатаны каплями воска:

Совсем недавно ко мне пришло новое понимание, удивительное и невероятно отчётливое. Я вдруг осознал, что двигаюсь к Морю постоянно, даже когда сижу на работе, даже когда сплю. Я иду к Нему всю жизнь. Каждый день, каждый час.

И если вдруг я перестану видеть, то выйду к Нему, ориентируясь на шум прибоя, а если перестану слышать – найду Его по запаху соли и йода, а если перестану знать и понимать, то брошу поводья и доверюсь ветру. А если вдруг иссякну и свалюсь на полпути, в жёлтую колючую траву, среди больших чёрных камней, то Море само придёт за мной, потому что Оно большое, доброе и практически всемогущее.

Оно придёт и утащит меня, ободрав по пути о мелкие камушки, о разбросанные по пляжу топчаны и детские игрушки, утащит в холодную чёрную глубину, где мерцают рыбы и звёзды.

И там, в пучине, преодолев тысячи страхов и забыв своё имя, я воскресну совсем другим, обрету новую жизнь. И выйду на берег, на горячий песок, в котором так много двухкопеечных монет и потёртых якорьков.

И кто-то большой и добрый попросит, чтобы я не ходил один к воде.

8.

– Послушай, Ред, – сказал Львов. – Помнишь, ты рассказывал про англичанку?

– Помню.

Они сидели в парке и пили пиво. Нина Авдотьевна ушла вскоре после Бердина, Саша ещё немного посидела и тоже ушла. Старик, похожий на Тургенева, выгуливал большую лохматую собаку, день ещё был свеж, но свет его уже менялся.

– Я вчера раскрыл окно и вдруг почувствовал запах моря. И сразу вспомнил рассказ об англичанке. Расскажи ещё?

– То же самое?

– То же самое.

Львов не смущался повторами, особенно если речь шла о дальних краях. В его жизни с детства был свой сюжет, регулярно повторяющийся во сне: полёт на самолёте над пустыней, крушение и долгое блуждание по барханам под звёздами.

Раньше Князев удивлялся готовности Николая слушать одно и то же, а потом перестал. С годами он всё дальше отходил от моря, и постепенно сам повадился возвращаться: сердце было привязано к прошлому, память бродила по кругу.

– Во время службы на флоте я как-то оказался в порту, чьё название не помню, – привычно начал он. – Это было, кажется, на юго-востоке. Большой остров, северо-восточное побережье. Бухта. Наш кораблик поболтало, команда радовалась отдыху. Порт, куда мы прибыли, раньше был английским фортом. Там до сих пор живут потомки колонизаторов.

На землю пыльно приземлился голубь и засуетился, поглядывая красным глазом на подложку с вяленой рыбой.

– За портом начинается пыльная жёлтая дорога, ведущая в город. На возвышенности, на полпути к первым жилым кварталам стоит старый трактир, построенный специально для моряков. Хозяйка заведения – англичанка, миссис Батерст. В то время ей было, я думаю, лет тридцать пять, то есть старше меня лет на семь. Молодая, красивая. А главное, так себя держала, что никто не фривольничал, только заигрывали слегка. Она близоруко щурилась, и это было красиво. Во-о-от. За столами шумели моряки, за окнами синело небо, до горизонта растилась водная гладь...

– А на шее у неё часы, – напомнил Николай, разделявая чехонь. Тусклое серебро неохотно отходило от костлявых боков.

– Точно. Миссис Батерст носила на шее маленькие золотые часики с синей монограммой на крышке. Про них есть целая легенда, мне одна официантка рассказала. История такая: эти

часы ещё сто лет назад носила первая хозяйка трактира, прапрапрабабушка миссис Батерст. Что характерно, её звали так же: миссис Батерст. Однажды в трактир забрёл боцман, он сокрушался, что сошёл на берег без часов и может опоздать на корабль. Миссис Батерст сняла эти часики с шеи и отдала ему – так легко, словно они ничего не стоили. И сказала: «Когда будете отбывать на корабль, отдайте часы кому-нибудь на берегу, меня тут все знают».

Редьярд снова отхлебнул и вытер усы салфеткой. Николай терпеливо ждал.

– В тот же день поздно вечером в трактир прибежал мальчишка, принёс часы и подозрную трубу. Боцман просил передать, что всегда будет помнить прекрасную хозяйку этих часов и что если она захочет его увидеть, то пусть в любое время дня и ночи посмотрит в эту трубу в море – и он помашет ей рукой. Маленькая такая труба, из латуни, с тёмным выпуклым стеклом, висит на цепочке над барной стойкой, я видел.

Приятели замолчали, задумавшись. Каждый представлял стройную молодую англичанку, сдержанную и красивую, отстранённую и нездешнюю. Она была в чёрном, с часиками на шее и с подозрной трубой – тонкие пальцы на вытертой чёрной трубке, белая кожа, тусклая латунь. Женщина шла по времени, не меняясь. Она снова и снова приходила в мир, получая от жизни прежнее имя и прежнее лицо.

9.

Нина Авдотьевна вышла на балкон с кружкой горячего чая. Воздух был зябким. Из кружки валил густой пар, в кипятке плавала ярко-жёлтая лимонная долька. Чай приехал из Черепца, а вот лимон был местным – куплен в магазине, который находился на первом этаже, в помещении пожарного выхода.

– Разве в пожарном выходе может быть магазин? – спросила Стародумова. – А если чрезвычайная ситуация?

– Не волнуйтесь, – неопределённо ответила дородная девушка за прилавком.

Нина Авдотьевна любовалась окрестностями – впервые за долгое время.

Пейзажи в окнах её черепецкой квартиры не радовали: вид открывался на стандартные пятиэтажки. Их было много, целое море пыльного шифера и рубероида, придавленное пресс-папье серого неба. Под балконом, выходящим на другую сторону, начиналась пустыня огородов. Кольшки, листы картона и фанеры, целлофановые и газетные лохмотья, железные и стеклянные банки, ржавые бочки и рваные шины – в царстве подножного корма не было лишних и ненужных материалов, пригождалось всё.

Нина Авдотьевна до дрожи боялась огородников, она знала, что это беспощадные люди с невероятной закалкой. Недалеко от дома, где она жила, было автобусное кольцо, в выходные дни утром и вечером страшные люди с лопатами и вёдрами штурмовали старые ПАЗы и ЛИАЗы.

Однажды Нине Авдотьевне довелось оказаться в автобусе, который подъезжал к остановке с огородниками. Зная, что сейчас произойдёт, она не стала садиться, а встала в уголке – и с ужасом наблюдала за стремительной толпой.

Одна старуха смогла первой запрыгнуть на ступеньку, но была схвачена оттеснённой соперницей за ноги, упала и стала лягаться... В другом конце автобуса вспыхнула драка между коричневыми от загара мужиками, ещё две могучие женщины в синих трико с лампасами, обменявшись плевками, рвали друг другу тусклые кудряшки. Автобус раскачивался и скрипел, казалось, что он лопнет, как рукавица из сказки, но не лопнул и даже смог тронуться с места.

С годами у Стародумовой начались навязчивые кошмары, особенно когда она устроилась в редакцию черепецкой газеты. Ей отдали на откуп неполотую тему надоев, удобрений и прочего скотоводства. Исполнительной журналистке снились бесконечные поля картошки, свинофермы, трактористы с чёрными полосками под длинными ногтями, румяные директора и визгливые бухгалтерши.

Под балконом новой квартиры огородников не было, и в первый день Стародумова выбежала сюда несколько раз в страхе, что они могут завестись. К вечеру, когда воздух наполнился мерцанием, сомнения исчезли окончательно.

– Всё спокойно, всё тихо, – сказала она с улыбкой, возвращаясь в комнату.

Нина Авдотьевна уже извлекла из сумок все вещи, кроме фотоальбомов – их оставила напоследок, на вечер, когда дневные волнения улягутся, можно будет налить чай и никуда не спешить. Стародумова села на диван, придвинула к себе потёртый коричневый чемодан и раскрыла: в нём лежали альбомы.

– Анатолий Павлович такой смешной, – сказала Нина Авдотьевна, продолжая задумчиво улыбаться. – Всё надувается, трясёт гребешком. А тут за него уже всё решили. Кому что делать, кому за что отвечать.

Она раскрыла верхний альбом в синей бархатной обложке. С первой страницы улыбался молодой мужчина с чёрными усами. Его сердечный приступ был внезапным и коротким. Среди ночи сел на кровати, глухо позвал «Нина! Нина...», лёг и умер. Голос, зовущий по имени, не растворился, он жил в Нине Авдотьевна, она слышала его.

Стародумова кивнула фотографии и стала рассказывать:

– С меня, слава богу, сняли огороды, не буду больше воспевать картошку и надои. В этом городе нет никакого сельского хозяйства, зато есть большой-пребольшой завод, и я буду про него писать.

Мужчина на фотографии внимательно слушал. Нина Авдотьевна погладила его пальцем и продолжала:

– Я, конечно, никогда с такой темой не работала, но думаю, что справлюсь. Журналистика – дело такое, главное найти разговорчивых людей, всё остальное – мелочи. Всё мелочи, всё-всё мелочи...

В доме, погружённом в тёмно-синее закулисье дня, долго светился жёлтый квадратик, в нём сидела женщина, перелистывая фотоальбомы в бархатных обложках. Когда сумерки сгустились, она достала из сумки маленький подсвечник – крохотную гильзу на подставке в виде дубового листа – и связку тоненьких церковных свечек.

Это была многолетняя добровольная обязанность. Всякий раз, как делалось темно, она ставила на подоконник свечу – путеводный знак для сына, который связался не с той компанией и на волне смуты, захлестнувшей страну, исчез. Ушёл куда-то со своими вечно удивлёнными глазами, весь ушёл, без остатка.

10.

Бердин деловито приколачивал к стене своего нового кабинета грамоты черепецкой администрации, фотографию писателя Скворцова с автографом и часы с логотипом торгового комплекса, который давал одно время рекламу. Настроение было ясным, в душе цвели одуванчики.

Он полюбовался на свою работу, сел и снова погрузился в инструкцию, оставленную Серафимом. Судя по её подробности, работодатель, похоже, действительно не планировал больше появляться в редакции. Оно и к лучшему: лишний контроль – лишние переживания.

В документе описывался город и упоминались люди, к которым можно обращаться за информацией. Напротив каждой фамилии стояла краткая характеристика. Например, указывалось, что начальник сборочного цеха Эйфман «контактен, но неуловим». Или специалист отдела по работе с отделами: «излишне лапидарен он, но всё ж не чужд коммуникации вербальной». Напротив имени одной дамы значилось: «женщина с косой».

На планёрке Бердин с великодушием сеятеля облигаций раздал темы и контакты и теперь прислушивался: журналисты звонили, договаривались о встречах.

Солнечный свет мигнул: за окном пролетело облако разноцветных воздушных шаров, послышались радостные крики и аплодисменты. Бердин выглянул: внизу стояла большая толпа людей в деловых костюмах. Они смеялись и хлопали в ладоши. Некоторые возбуждённо подпрыгивали.

Когда Редьярд, иной среды взыскав, вышел на лестницу, из массы пиджаков, кишасей пролётом ниже, выскочил и поднялся к нему человек с усталыми глазами.

– Добрый день, коллега, – приветствовал он тихой скороговоркой. – Вы из редакции? Хорошо, что газета снова будет выходить, нам её не хватало. Валерий Вилкин, директор менеджерской фирмы, – он протянул узкую влажную ладошку.

– Очень приятно, – сказал Князев. – Да-да, я обратил внимание на вашу компанию. Деловая тематика в том числе и по моей части.

– Прекрасно, – грустно и устало улыбнулся человек. – Я всегда открыт для общения. Вы ведь зайдёте к нам, да? Я готов дать интервью. Вы побеседуете с нашими сотрудниками. У нас получится отличный текст.

Редьярд затосковал.

– Скажите, а зачем ваши сотрудники запускают воздушные шары? – спросил он.

– О-о-о, – кивнул человек, и лицо его стало одухотворённым, – это традиция! Она появилась много лет назад, когда основатели фирмы решили пойти в Белую Степь и узнать, нельзя ли как-то использовать её ресурсы и потенциалы. Они отправились в путь с большим запасом карандашей, блокнотов и скрепок, но в первый же день заблудились в лесу между городом и выходом из кратера. Как вы понимаете, проблема в том, что расположение деревьев в лесу нельзя назвать оптимальным, они растут незапланированно, там кто угодно заблудится...

– ...Наши предки брели, страдая от голода и холода, – дрогнувшим голосом продолжал человек. – Они потеряли запонки, испачкали рубашки. Галстуки пошли на перевязку кровоточащих царапин. И вот в ночи самый главный менеджер принял решение. Он велел сложить все блокноты и карандаши в кучу и поджечь их. Когда пламя костра озарило лица скитальцев, они встали в круг, взялись за руки и стали петь корпоративный гимн...

Голос сорвался, человек быстрым движением приложил руку к лицу.

– Простите, – сказал он прочувствованно. – Я всегда волнуюсь, когда рассказываю эту историю... После того, как гимн был пропет пять раз, менеджеры почувствовали необычайное одушевление. Тут же была проведена планёрка, на которой решили идти прямо и никуда не сворачивать. Выбранная стратегия оказалась верной, они вернулись в город. Мы храним память об этом ярком примере эффективного поведения в кризисной ситуации и каждый день запускаем в небо воздушные шарики, каждый из которых что-нибудь символизирует.

– А что, – заинтересовался Редьярд, – неужели так трудно добраться до Белой Степи?

– Нам совершенно очевидно, что там нечего оптимизировать, а всем остальным ясно, что там просто нечего делать, – уклончиво ответил человек. – Ах да, есть один старик на заводе, он туда постоянно навещается... но это вы лучше у заводских спросите.

Прощально махнув рукой, он сбежал по лестнице вниз и пропал в массе пиджаков.

– Вот она, погибель моя, – вздохнул Князев.

Чтобы отвлечься, он стал думать о сумке, которую предстояло разобрать. В ней были сокровища радиста – предметы из разных поездок.

Массивная пивная кружка, которую подарили в одной портовой забегаловке в Австралии – очень полезная в холостяцком хозяйстве вещь и весьма востребованная.

Чернильница, изображающая арапа с кувшином, и подсвечник в виде рыбы были куплены в Марселе, чьи улицы заполнены ветрами. Этот прекрасный город вырос, как моллюск, на южное побережье Франции, ошетилившись мачтами бесчисленных яхт.

Чучело краба – так странно: раньше это маленькое существо бегало глубоко под водой, далеко отсюда, и видело своими странными глазками синий туман и зелёный туман, пряталось

в песок и спало среди камней. Какой океан был его родиной? Тихий? Индийский? Атлантический?

Вспоминая, Редьярд улыбался.

11.

Нину Авдотьевну ждали.

Когда она подошла к бюро пропусков и назвала своё имя, из окошка тут же вылезла рука с пропуском: ламинированный картон с фотографией, сроком действия на год. Стародумова удивилась своему снимку – когда успели, откуда взяли? – но не стала уточнять.

На проходной сидели старушки в военной форме, с надписью «Охрана» на рукавах. Они вполголоса беседовали, не обращая на проходящих никакого внимания.

– ...а потом она сфотографировалась голой, и тут же потеряла уважение коллектива... – донеслось до Нины Авдотьевны.

Женщина робко миновала проходную и остановилась.

Перед ней расстилалось заасфальтированное поле, на котором лежали гигантские прямоугольники цехов. Однотипные здания, сложенные из грязно-серых железобетонных плит, сдержанно гудели, и Нина Авдотьевна вспомнила, как мальчишки в детстве сажали больших блестящих жуков в спичечные коробки.

Между зданиями сновали электрокары, перевозя детали и ящики, мелькали рабочие в синих робах. Указывали в небо кирпичные трубы. Судя по движению дыма, наверху было безветренно, зато по земле вдоль долгих стен с выщербленной плиткой сновал сквозняк, обдирая бока об острые углы и трепля зелёный драп, которым были затянута стены некоторых зданий.

– Извините, – обратилась Нина Авдотьевна к охранницам. – Я здесь впервые, мне нужен кузнечно-механический цех.

– А вон он, – сказала одна старушка. – Видите, угол торчит из-за угла.

Женщина побрела по асфальтированной дорожке. Ей казалось, встречные смотрят на неё с подозрением, чувствуя инородность. Старик с кустистыми бровями. Парни в белых халатах. Рабочие в спецовках. Краснолицая тётка.

«Мозолистые руки и трудовая родословная, прадеды и деды, вечно голодные люди с большими ладонями, жрецы камня и металла, сгнувшиеся в копоты и грохоте...» – сумбурно думала Нина Авдотьевна.

У рабочих была одна общая походка – шаркающая, неровная, разболтанная, точно в человеке стёрлись механизмы, провисли канаты, тело изнашивается и скособочилось, как старый усталый дом. Так шли и старые, и молодые – первые уже не могли иначе, а вторые неосознанно перенимали и вживались.

Наверное, полагала женщина, такая походка происходит от долгого общения с железом. И всё живое и невечное, что есть в человеке – кости, мышцы, жилы, – деформируется в контакте с тяжёлой непроницаемой материей, принимая обратный импульс кузнечного или токарного усилия. И постепенно в костях образуется хрупкость, прозрачность и сквозящая печаль.

Здание цеха оказалось кирпичным, с бетонными вкраплениями. С торцевой стороны в каменную плоть впивались чёрные металлические перекрытия, на которых лежала крыша – паутина каркаса, квадраты стекла, свет и воздух. По фасаду полоскались обрывки ремонтного драпа.

– Кузнечно-механический цех, – вполголоса прочитала Нина Авдотьевна табличку. Железная дверь тяжело поддалась, и на женщину дохнуло мраком, пламенем, грохотом. Клубился пыльный туман, вспышки и отсветы играли на стенах, в воздухе стоял гул, слышались крики. Далёким видением встали безмятежные поля с картошкой и трактористами.

Стародумова побледнела. Отступила на два шага и оглянулась: ей стало стыдно. По счастью, рядом никого не было.

– Да что же это такое, – сказала она, негодуя. – Взрослый человек, а боюсь как школьница. У меня же годы работы за плечами. Столько текстов написала об аграрном хозяйстве... и о производстве тоже напишу. Какая разница о чём писать, принципы везде одни и те же. Ударный труд, ответственные заказы, большие планы, дружные коллективы, высокое качество, трудовые династии...

Дверь открылась – выглянул человек лет пятидесяти, худошавый и неулыбчивый, с взлохмаченными соломенными волосами.

– Нина Авдотьевна? – осведомился он. – Пётр Андреевич Крылов, начальник цеха. Мне позвонили с проходной, сказали, вы идёте.

У Нины Авдотьевны отлегло от сердца. Она пожала протянутую руку, улыбнулась и отважно шагнула в жаркий мрак, наполненный сполохами и криками.

Надпись на клетчатой странице, ровная, аккуратная, неторопливая. К ней пристали частицы засушенного цветка.

Никогда не знаешь, за каким углом окажется предназначенная тебе кроличья нора. Многие ищут её всю жизнь, и только в конце выясняется, что она всегда была рядом, только руку протяни.

Чтобы ищущий не разуверился, нора иногда посылает намёки, знаки. Для окружающих это просто осколок повседневности, не несущий в себе ничего. Но сам адресат обычно улавливает посыл, пусть не всегда сразу и пусть не всегда осознанно.

Происходит это чаще всего незаметно для окружающих, потому что люди едва успевают прожить свою собственную жизнь, им совершенно некогда заметить, что у того, кто рядом, изменился цвет глаз. А если замечают и даже находят силы для вопроса, то человек, опьянённый новым пониманием, говорит что-то про осень, и ему верят, потому что на неверие нет времени.

И главное, никто не понимает, что в этот момент он обрёл новые силы, чтобы двигаться дальше – вперёд и вперёд, до тех пор, пока не окажется на краю долгожданной норы, падения в которую боится больше всего на свете...

12.

Анатолий Павлович по обыкновению был не в духе.

В этот раз причина была необъяснимого свойства: стена отторгла дипломы, часы и фотографии. Анатолий Павлович сидел за столом и смотрел в окно, и тут на Бердина всё упало. Рамка клюнула в плечо, а часы ощутимо приложили по затылку.

Редактор вздрогнул и досадливо поморщился: грамоты и фотография с автографом писателя остались без стекла.

– Это что ещё такое... – он потрогал маленькие дырочки, постучал по стене. Почесал затылок. Вдохнул. Снова постучал. Потом достал из верхнего ящика стола молоток и заново приколотил атрибуты своей власти. Они не провисели и десяти минут, причём в этот раз стена умудрилась выплюнуть гвоздики, которые зловеще просвистели над редакторской головой.

Бердин вскочил и потряс кулаками. Враг был невидим, а потому неуязвим.

К сожалению, другие участки кабинета плохо подходили для создания красного уголка. Расчёт был на то, что собеседник, сидя напротив, сможет созерцать и осознать. Поэтому Анатолий Павлович решил проявить твёрдость и снова достал молоток.

В кабинет постучали. Бердин успел напустить задумчивость. Заглянула Саша:

– Анатолий Павлович, у вас всё в порядке?

– Да, всё хорошо. Работаю вот над планами, плюс ещё море разной документации надо изучить, договоры, отчёты, – редактор небрежно повёл рукой над столом. – Не успеваю, просто не успеваю. Зашиваюсь. У вас был ко мне вопрос?

– Нет-нет, это я так, был какой-то шум...

Девушка вознамерилась закрыть дверь, но редактор вспомнил:

– Саша, вы сегодня идёте на интервью с художником?

– Да, скоро выхожу.

– Обязательно поинтересуйтесь, с чего начался его творческий путь. У кого учился, где выставлялся, каковы дальнейшие планы. И получится хороший живой материал. Только имейте в виду, полполосы максимум. И никаких согласований. Всё, удачи.

Саша закрыла дверь – и почти сразу со стены посыпалось. Анатолий Павлович был не промах и сразу распознал ментальный конфликт. Он медленно встал, повернулся к стене и посмотрел на неё высокомерно.

– Главный здесь я, – сказал Бердин стене. – Это мой кабинет. А ты создана лишь для того, чтобы я мог повесить на тебя всё, что мне вздумается. И твоё мнение меня не интересует. Потому что ты – всего лишь стена.

Стена невыразительно молчала.

– Тебя сделали из неодушевлённых, мёртвых материалов. Возможно, когда-нибудь на тебя посмотрят с интересом лишь потому, что здесь работал я. У тебя нет своей воли, и однажды тебя снесут. Чугунная гиря, висящая на конце мощного троса, сокрушит тебя, раз-metaет, поднимет облака пыли.

Ответа не было.

– А сейчас, – деловито попытожил Бердин, – я приколочу к тебе свои грамоты, и они будут висеть.

Он раздражённо вогнал гвоздики, развесил атрибуты своей власти и медленно, сохраняя достоинство, сел. Очередное падение не заставило себя ждать. В этот раз часы треснули и остановились, а рамочки просто распались на части. Стена злорадно молчала.

13.

– Извините, – сказал Николай старику с длинной белоснежной бородой. – Не подскажете, как пройти на улицу Кизюрина?

Старик махнул:

– Вон там свернёте и до первого перекрёстка.

Николаю предстояло найти местную старожилку и сделать о ней очерк. «Ей то ли сто двадцать, то ли двести десять, точно не помню, – пояснял Серафим в плане. – На самом деле разница невелика, после первого прожитого столетия уже не так важно, сколько там за плечами, потому что минувшее становится туманом».

За поворотом начался частный сектор. Заборы с почтовыми ящиками, скамейки у кали-ток, флюгеры и фонарики.

Улочка блаженно пахла ветхостью и сыростью. Клёны и тополя, склоняясь над дорогой, дарили обильную тень, редкие солнечные лучи были отчётливыми и обжигающими. Как всегда на исходе лета неистово летали и кишели насекомые, точно предчувствуя долгий сон, переходящий в смерть.

Большая лохматая собака внимательно следила за мальчиком, который старательно ору-довал совочком под раскидистой ивой.

– Если зарыть куриную кость, – говорил мальчик, обращаясь к собаке, – из неё вырастет цветок, а в нём будет спящий цыплёнок.

Собака улыбалась, высунув длинный мягкий язык.

– Если будешь вести себя хорошо, – продолжал мальчик, – я научу тебя читать по кры-льям бабочек. А когда наступит зима, я покажу, как надо мариновать сосульки.

Николай невесело подумал о старушке. Скорее всего, её разум блуждает в прошлом, среди воспоминаний. Наверняка у неё проблемы со зрением и со слухом, вопросы придётся

кричать, а после каждого второго слова она станет терять нить и говорить не по делу, а может, и вовсе уснёт.

И ведь надо ещё как-то объяснить цель визита. Если старушка греется на солнышке, придётся кричать на всю улицу, прохожие станут прислушиваться, в окнах и калитках покажутся соседи.

– Пресса приехала! – крикнет одна хозяйка другой. Прибегут дети со сбитыми коленями и выгоревшими белёсыми волосами и станут смотреть с тупым любопытством.

Львов с раздражением повёл плечами. И увидел героиню своей публикации.

Старушка во всём чёрном сидела в тени, положив распухшие руки на палку. Казалось, она давно стала частью скамейки, пустила корни, превращаясь в дерево. Дунул ветер, взволновалась листва, и внезапный луч солнца вызолотил хрупкую паутину между палкой и туловищем – и маленького чёрного паучка.

14.

К Ивану Афанасьевичу постучали – и он сразу понял, кто это, тем более что два дня назад у него стала шелушиться кожа на ладонях. Стук был особенный, добрый и негромкий, рождённый от союза живой тёплой руки и влажного дерева.

Иван Афанасьевич на мгновение замер, а потом кинулся в прихожую и распахнул дверь. На пороге стоял Серафим. Взгляд был доброжелателен, волосы мокры: шёл дождь. Старик открыл рот, словно собираясь что-то сказать, но смолчал и улыбнулся.

А потом они долго сидели в кухне, не включая света. Нагретая можжевельная подставка и пучки высушенной мяты в углу выдыхали уходящее лето. Старик достал сухари с маком и графин с вишнёвой настойкой. Тёмно-красная жидкость побежала по чайным чашкам: стопок не было, бокалов тоже.

Преломившие хлеб и разделившие питье были спокойны и сосредоточены, их молчание напоминало совместную молитву.

– Вот вроде бы и недолго я здесь, а кажется, столько времени прошло... – сказал наконец хозяин. – Как полагаете?

Серафим пожал плечами.

– Знаю, знаю, спрашивать бесполезно, у каждого оно по-своему... Я ещё хотел сказать о тех, кто приехал газету делать. Надо бы им помочь.

– Надо бы, – согласно повторил Серафим.

Иван Афанасьевич нахмурился.

– Хитро всё устроено, – вздохнул он. – Я, конечно, попытаюсь, если успею.

На мгновение воздух потемнел. За окном скользнула размашистая тень, кувыркнулась, взмахнув рукавами, и в пространстве остался, оседая, отпечаток бледного лица.

– Помните, вы как-то спрашивали, где бы я хотел оказаться? – спросил старик и, зная, что ответа не будет, продолжил: – Я выдумал себе озеро в горах. Представьте: высокая скала, по которой никто никогда не забирался, а на самом верху, в зубчатой каменной впадине, на подушке из синего снега – озеро, ледяное и чистое. За всё время бытия в нём отражалось только небо – облака, звёзды, метеоры. Оно особенное: ни один взгляд не касался этой воды, никакие слова не звучали над ней.

Старик встал и подошёл к окну. Метрах в пяти темнела крыша, за ней вставал ещё один дом, высокий и узкий, с грязно-серыми стенами и маленькими окошками, а далеко в дождливом пространстве темнели здания завода.

– С вами одно удовольствие разговаривать, – сказал Иван Афанасьевич. – Вы удивительно точно умеете молчать. Знаете, как это мучительно, когда отовсюду торчат лишние слова? Точно обломки арматуры в заросшем котловане...

– Мне нынче снился странный сон, – снова заговорил он. – Будто у меня в комнате трое часов. На стене, на полке, на столе. И вот смотрю на них и вижу, что первые безнадежно отстали, вторые невероятно спешат, а третьи просто стоят. И тогда я начинаю соображать, как же узнать правильное время, и вообще – возможно ли это...

Серафим с улыбкой покачал головой, медленно встал и вышел.

Тихо щёлкнул дверной замок.

Иван Афанасьевич распахнул окно и высунулся в ливень. Пахло дождём, озоном, травой, землёй в горшке на подоконнике, морем. Пахло уходящим летом.

Непрерывное бурление воздуха и воды подтачивало город, словно стараясь сдвинуть его с насиженного места. Огромный улей цепко держался за землю пуповиной труб и проводов, корнями деревьев – и делал вид, что будет жить вечно.

15.

Едва Нина Авдотьевна переступила порог цеха, её ошеломило шумом и вспышками. Она прибавила шаг, стараясь держать диктофон поближе к Петру Андреевичу. Его речь, проходя сквозь шум, теряла связность.

– Инновационный задор... важнейшие задачи, стоящие перед и после... в третьем квартале... непрерывное обновление с целью...

Он остановился возле станка. Потёртый корпус в тускло-зелёной краске шёл масляными пятнами, резцы сверкали бессонным стальным блеском. Рабочий хмуро спустился со своего пьедестала.

– Здесь обрабатываются детали... – кричал Крылов. – Сюда они поступают после печки, а отсюда идут дальше, на механику, в соседний пролёт...

Оператор станка бессмысленно смотрел на Крылова и Нину Авдотьевну и не уходил. Стоял, медленно вытирая руки грязной тряпкой.

– Ведущий работник... Николай Федорчук... высокая культура производства... – Крылов тыкал пальцем в оператора. – Коля, приготовься, у тебя сейчас интервью будут брать... ха-ха-ха!.. ладно, это всё потом... пойдёте дальше...

Они шли, углубляясь в шум и непроглядную пыль. То справа, то слева летели весёлые фейерверки, и люди, похожие на космонавтов, медленно, как на Луне, махали им большими рукавицами.

Иногда из тумана выныривали голые по пояс титаны, у которых вместо рук были газовые горелки, а на мускулистых телах темнели шляпки шурупов. У некоторых из груди торчали разноцветные проводки, ведущие к аппаратам на спине.

На разметочной плите стояла девушка с линейкой, в синем халате и коротких шортах. Она оглянулась, и журналистка увидела белый зрачок, подёрнутый дымкой слепоты.

Время от времени Крылов останавливался, кричал непонятное и тащил Нину Авдотьевну дальше, а она, оглушённая, шла, вцепившись в диктофон.

Из-за станка, на котором вращалась огромных размеров деталь, вышел высокий человек, волоча за собой пучок стальных тросов. Следом семенил карлик с глазами навывкат. Судя по мимике, он что-то говорил, высовывая язык и часто сплёвывая. Увидев Крылова, карлик тут же нырнул в туман.

– Сидорчук! – заорал начальник цеха. – Стой, клёпаная спираль! Ждите меня! – крикнул он Нине Авдотьевне и убежал.

Гигант с пучком тросов посмотрел на журналистку и двинулся дальше. Вскоре его фигура скрылась в производственном мареве, потом исчезли хвосты тросов, а затем стих и гул шагов.

Внутри у Нины Авдотьевны похолодело. В этом странном уголке реальности, где всё было многотонным и стальным, всем, кто смертен и хрупок, требовалось сохранять предельное внимание.

Через десять минут женщина затосковала. Через полчаса она поняла, что про неё забыли, и решила пойти обратно, но не могла определить направление, а спросить было не у кого.

Проплутав, она поднялась по лестнице на обширную площадку на уровне второго этажа. Отсюда цех казался ещё более ирреальным. Он жил своей жизнью, контролируя движение и сверкание каменных и металлических конечностей и отростков, с грохотом перемещая тяжёлые конфигурации и впиваясь резцами в сверкающую плоть.

Под высоким потолком ползали краны, в их кабинах белели неотчётливые лица. Над большой цилиндрической деталью колебался синий свет – внутри засели сварщики в чёрных капюшонах палачей. По рельсам, ведущим в никуда, пробегали тележки.

И вдалеке, через три пролёта, через две железные дороги, за пятью крупными станками, стоял стол. Обычный деревянный стол с настольной лампой – на небольшой площади, иссечённой рельсами, среди всего большого и железного. За ним сидел человек, читал газету и неторопливо отхлёбывал из маленькой кофейной чашки.

И он сам, живой и спокойный, и лампа, и чашка, и газета – всё это было настоящим чудом среди чёрных стальных гигантов, свершающих свои оглушительные священные обряды в гулкой бездне, в синих лучах и оранжевых искрах.

16.

В списке адресов, оставленном Серафимом, говорилось, что от конечной остановки автобуса до дома художника Георгия Бирюкова не больше десяти минут ходьбы, но Саша шла уже полчаса. Дорога, ползущая вверх, утомляла девушку одним своим видом: не было конца этой пыльной земляной ленте, изъеденной дождями.

Вдоль обочины тянулись редкие двухэтажные дома грязного цвета, окружённые чахлыми деревцами, за которыми просматривалось поле с разноцветными огромными сорняками. Иногда на обочине попадались обломки свай, ржавые балки, чернели наполовину вкопанные шины.

Саша остановилась. С достигнутой точки открывался новый вид. Городок напоминал грудку цветных камней, обнаруженных в старой шкатулке на чердаке. В нём почти не было типовой застройки, в архитектуре царил удивительный разноряд, преобладали здания, напоминающие доходные дома, и строения барачного типа.

По центру, в рыжеватом облаке выбросов, темнел заводской комплекс, волнами от него расходились кварталы. Они краснели черепичными крышами и серели деревянными, пышно зеленели пятна частного сектора.

Кое-где виднелись кубы и прямоугольники промышленных зданий, стальные футляры складских амбаров. Едва заметная железная дорога, изредка показываясь среди зданий и зелени, соединяла производственные территории с заводом.

Город рос каскадом, постройки покрывали стены кратера, точно колонии грибов, и с высоты казалось, что некоторые дома нарастают один на другой, наползают, сплетаются корнями и трубами, образуя пёстрые сгустки, застывшие в невероятной чехарде окон, дверей, балконных решёток.

«Наверное, трудно не быть художником, когда живёшь высоко, когда находишься ближе к небу, чем многие другие, – рассеянно думала Саша. – А хорошо бы тоже так – забраться повыше и ни о чём не тревожиться. Интересно, неужели в таком маленьком городе можно зарабатывать на жизнь рисованием?»

Она прошла ещё немного, подъём неожиданно закончился и перешёл в ровную площадку, заполненную сочной зеленью крон и кустов, невысокие здания белели за деревьями. Откуда-то слева выныривал неглубокий ручеёк и, продолжая путь в траве, рассекал пространство надвое, стремясь в сторону хребта, мимо домов.

На берегу ручейка молодая женщина в белой блузке кормила грудью ребёнка. Напротив неё, на другом берегу, стоял, опираясь на длинную палку, кудрявый юноша в красной рубашке. Оба они разом обернулись.

– Добрый день, – поздоровалась Саша, стараясь выровнять дыхание. – Где-то здесь живёт художник Георгий Бирюков, не подскажете, где можно его найти?

Женщина мягко улыбнулась. У неё были тёмные, широко посаженные глаза.

– Вон тот дом обойдите справа, – махнула рукой. – Георгий во дворе.

Художник сидел в шезлонге перед кирпичной стеной. Крепкий мужчина лет сорока пяти, с проседью. Широкое, хорошее лицо.

– Вы из газеты, – сказал он и вздохнул. – Здравствуйте. Я ждал.

– Вас огорчает, что я из газеты? – растерянно спросила девушка.

– Забудьте, пустое. В конце концов, ваши визиты позволяют трезво оценить ситуацию.

– Мои визиты? Но я первый раз...

– Знаю, знаю. Имею в виду, что и до вас журналисты приходили, – художник наклонился, достал из лежащей перед ним сумки папку и протянул её. – Прощу. Здесь всё.

– Что «всё»?

Художник посмотрел с сожалением.

– В этой папке лежат статьи про меня. Кроме того, там есть листок, на котором я рассказал о своей текущей работе и творческих планах. Я подготовил с десятков таких папок, чтобы сэкономить время – и своё, и журналистское. Хотите – забирайте, хотите – почитайте сейчас. Мне всё равно. Текст на утверждение присылать не надо, я заранее согласен со всем, что вы напишете.

Саша молча села на большой камень, лежащий рядом с шезлонгом, и раскрыла папку.

– А картины ваши можно посмотреть?

– Боюсь, в этом нет смысла, – устало сказал художник. – То, что я пишу, можно расценить лишь как попытку понять материал.

– Но вы же художник?

– Меня так называют, потому что – формально – я вписываюсь в представления людей о художниках. У меня есть кисти и краски, в квартире царит обязательный беспорядок... ну, вы понимаете: повсюду рамы и холсты, листы с карандашными набросками, мольберт... всё как полагается... к тому же я несколько раз давал пейзажи для выставки в городской библиотеке. Именно поэтому раз в полтора года ко мне приходят из газеты.

Саша почесала кончик носа.

– Не берите в голову, – сказал художник. – В этой папке всё написано. Что я делаю, что чувствую, как мне это удаётся. Присаживайтесь, пожалуйста, – он убрал со стоящей рядом табуретки пустую кружку в кофейных подтёках.

Девушка погрузилась в чтение, бегло просматривая материалы. И где-то на пятой публикации нашло до озноба неприятное чувство – словно она куда-то опоздала или упустила что-то важное. Как будто долго шла не туда. Или – что ещё хуже – её восприятие пространства оказалось искажённым, и дорога вверх на самом деле вела вниз, а то и вовсе по кругу.

Она вдруг поразились безликости текстов. Различия касались лишь структуры, но не сути: бодрый, кукольный марш одних и тех же пустых словоформ. Статьи не изнывали под благословенной тяжестью смысла.

«Богата наша земля талантами. И художник Бирюков – яркое тому подтверждение...»

«Немало талантливых людей живёт в нашем городе. Один из них – художник Бирюков...»

«Среди жителей нашего города встречаются настоящие таланты. Это понимаешь сразу, как только познакомишься с творчеством Георгия Бирюкова...»

Листок, заполненный Бирюковым от руки, был составлен в той же манере:

«В настоящее время работаю над серией картин. Имею большие творческие планы. Подумываю о персональной выставке».

Саша осторожно скосила глаза: человек, заранее согласный с тем, что о нём напишут, рассматривал стену. Если его спросить, он ответит, а если не спросить, промолчит: оба варианты были ему знакомы, и ни один никуда не вёл. Если только... если только не задать правильный вопрос. Или разделить молчание, как делят трапезу: присоединиться, промолчать правильно, уместно.

– Почему вы так пристально рассматриваете стену? – спросила Саша.

– Решили усложнить задачу? – улыбнулся мужчина. – Вы хотите, чтобы я ответил?

Саша кивнула.

– Я люблю на неё смотреть, потому что она прекрасна. И всегда другая. Эта фактура, эта игра теней и оттенков в разное время дня и года... при солнечном, лунном и звёздном свете, в жару и во время дождя... Летом она тёплая и шероховатая – мне нравится проводить по кирпичам рукой, закрыв глаза. Вы знаете, иногда с закрытыми глазами можно получить больше информации для картины, чем если всматриваться... Стена особенно хороша и тревожна зимой, когда снег забивается в щели. Вы любите Брейгеля? Он знал о зимних кирпичных стенах больше, чем кто-либо. Его картины, даже те, где просторы и люди, это настоящая ода стенам. Он гениально чувствовал кирпич.

– Можно я с вами посижу, посмотрю немного? – спросила девушка.

Художник поднял брови.

– Дело ваше, – сказал он. – Попробуйте.

Редкие люди, устало белея в окнах, видели, как двое сидят неподвижно у разрушенной кирпичной стены, а тени деревьев переползают через них и стену, постепенно превращаясь в вечер.

17.

Князев медленно спустился по лестнице.

– *Когда земля уже качнулась, уже разверзлась подо мной...* – бормотал он.

Его лицо выражало страдание, и в этом было много эпоса и пафоса.

– *...и я почувал холод бездны, тот безнадежно ледяной...*

Кишащая масса пиджаков приближалась, готовясь поглотить дерзкого.

– *...я, как заклятье и молитву, твердил сто раз в течение дня...*

Редьярд сделал последний шаг. И тут же утонул.

– *Спаси меня, моя работа, спаси меня, спаси меня...*

Его куда-то поволокло, пахло бумагой и кофе, мелькали туманные, не запоминающиеся лица. На дверях не было табличек и даже ручек, они пролетали, не оставаясь в памяти. Два кабинетных труженика, прибившись к Редьярду, как водоросли к лодке, некоторое время бурлили рядом, перекрикиваясь, потом их сорвало и унесло. В общем гуле едва различимы были обрывки реплик.

– Через полчаса штурмуем мозги в переговорной...

– Срочно подготовьте индекс удовлетворённости слесарей пятого цеха...

– Входящие, исходящие, проходящие, заходящие, текущие...

– Тот макет не утверждён, возьмите этот...

Сначала Князев пробовал бороться. Он сжал кулаки и пытался противостоять течению. Несколько секунд ему удалось удерживаться на месте, но потом опять закружило. Мягкая рука,

вынырнув из тьмы, взяла его за локоть – и он остановился. Пиджаки по-прежнему кишели, но уже не уносили. Это был Вилкин.

– Очень рад, – сказал директор. Голос у него был по-прежнему приглушённый, как ночная лампа, с усталой хрипотцой. – Пойдёмте поговорим. Конечно, времени нет совершенно, но ладно, постараемся что-нибудь придумать...

В приёмной Вилкин остановился возле миниатюрной секретарши, окутанной ароматом свежего лака. Чёрные волосы, собранные в хвостик, превращали её голову в запяную. Девушка впиалась в Князева быстрыми глазками-точками.

– Людочка – наша гордость, – представил Вилкин. – Начинала как менеджер по талантам, доросла до правой руки руководителя. Мы сейчас обдумываем проект создания газеты для профессионалов, и я хочу, чтобы Людочка была главным редактором. Она ответственная и активная, а значит, сумеет.

– Сумею, коль скоро есть такая задача, – подтвердила Людочка. – Я просмотрела разные издания и хорошо поняла, как они делаются. Это несложно.

– Вот видите, – гордо сказал Вилкин. – Вы, пожалуйста, держите с ней контакт, как знать, может, и вы поучаствуете в нашем издательском проекте?

Редьярд сделал неопределённое движение головой и плечами, Людочка полоснула его тонкогубой улыбкой и протянула визитку.

– Я уверена, что мы сработаемся, – сказала она неровным, высоким голосом, который то проваливался, то взлетал. – И вместе сможем создать яркий продукт!

Оказавшись в кабинете, Вилкин немедленно утонул в огромном кресле и вытащил откуда-то из-под стола бутерброд невероятных размеров.

– Вы меня, пожалуйста, извините, – улыбнулся он устало. – Всё дела-дела, не успеваю обедать, приходится совмещать.

– Ничего-ничего, – сказал Редьярд, изучая портрет градоначальника за креслом директора: работа была выдающихся размеров.

– Имейте в виду, – заявил Вилкин, откусывая. – Я ничего просто так не согласовываю. Мы ценим свою репутацию, для нас каждое слово имеет значение. Не сомневаюсь в вашем профессионализме, – он снисходительно улыбнулся, – но мы ещё ни разу не утверждали текст без исправлений.

Князев представил, что колет Вилкина булавкой, и тот, со свистом выпуская воздух, носится под потолком, как воздушный шарик.

– Итак, – прошамкал директор набитым ртом. – Мы работаем, чтобы сделать мир прекраснее, а это великая миссия! Мы генерируем гигабайты идей, рисуем схемы и графики. В нашем штате трудятся лучшие эксперты. Нам есть чем гордиться.

Он сделал паузу и снова впился в бутерброд.

– А... – сказал журналист.

– Вопросы логистики, – понял Вилкин, доставая новый бутерброд. – Детали, перевязанные ленточками, грузятся в вагоны и отправляются в порт, это недалеко, километров десять. Вся цепочка работает благодаря нам. Точнее, она работала и раньше, но без обоснования, что создавало риски. Всего за полгода мы разработали необходимую концепцию, и теперь транспортный процесс хоть и замедлился, зато стал намного надёжнее.

– Порт, – повторил Редьярд. – Вы сказали: порт. А что за порт, можно подробнее? Речной, морской? Где находится?

– Вы спрашиваете об информационной безопасности, хороший вопрос, – оценил Вилкин. – У нас создан отдел по секретам, который занимается всем таким. Город изначально был закрытым, сами понимаете, да и сейчас ещё есть вещи, о которых нельзя говорить.

– Вы сказали про порт...

– Отвечаю: самой актуальной задачей остаётся борьба с закостенелым ханжеством и тотальным консерватизмом в заводской среде, – заявил Вилкин. – Конечно, это ужас. Они же работают безо всяких стратегий, странно, что завод до сих пор не остановился. Наши эксперты не раз отправлялись проповедовать, но тщетно. Посмотрите, что мы получили буквально на днях.

Редьярд взял листок и не без труда продрался через корявый кустарник почерка:

«Шлём вам, лодырям, обещание испаскудить рожки, в чём и заверяем. Не ходите большие. Нет пользы от вас, а только время тратится. И как давеча вы у станков стояли и советовали, не надо этого ничего. Мы сами себе профессора и план выполняем. А вы ни фрезеровать, ни вальцевать не умеете, даже если и с хорошим инструментом. А языками трепать мы и сами горазды. С трудовым приветом, коллектив седьмого сборочно-сварочного».

– Интересный слог, – заметил Князев, чувствуя глубокую симпатию к авторам. – И всё-таки я повторяю, по поводу порта...

– В последнее время появились подвижки, – невозмутимо продолжил Вилкин. – Нам удалось создать условия, в которых на заводе завёлся Акционер. Это современный, эффективный управленец, у него чёрный костюм и уверенная поступь. Недавно мы обосновали проект оформления готовой продукции для повышения лояльности клиента. Теперь заводчан обязали перевязывать наиболее крупные детали розовыми ленточками. И это лишь начало. Следующим этапом станет создание отдела сдувателей пылинок. Заказчику неприятно получать пыльные детали, это плохо влияет на его лояльность.

Князев смотрел с неприязнью и тоской. Вопросы о порте уходили в песок, негодный человек говорил только то, что нужно ему.

– Что ж, я рассказал вкратце о нашей компании, а теперь простите, столько дел, столько дел, – Вилкин стряхнул крошки с пиджака и снял трубку: – Коллега, к вам сейчас подойдёт журналист, расскажите ему о работе вашего подразделения, а потом передавайте по цепочке. Да-да, через все отделы!

Он положил трубку и хищно улыбнулся.

18.

– Ефросинья Харитоновна? – несмело спросил Николай.

Старуха не ответила. Её лицо утопало в таком количестве морщин, что даже нельзя было сказать с уверенностью, открыты ли её глаза.

– Ефросинья Харитоновна? – повторил Николай.

– Бабушка плохо слышит, надо громче говорить! – послышалось рядом, и он вздрогнул, увидев за калиткой девушку лет восемнадцати. – Вы из газеты?

– Как вы догадались?

– К нам почти каждый год журналисты ходят, – пожалала она плечами, протягивая руку, хрупкую и тёплую. – Алина.

Отец – высокий и крепкий, мать – красивая, располневшая после многих родов. Харитон Трофимович и Мария Евдокимовна, ещё такие сильные, такие надёжные и всемогущие. «Фрося, – говорит мать, – зови давай всех к столу». Стол – длинный, из тёмного дерева. На одном краю зазубрины – Сенька, самый младший, баловался, ножом наковырял, пока тятя не видел. Светлые занавески на окне. Тёмные образа в углу. «Благодарим Тебя, Господи...» Харитон Трофимович заканчивает молитву, все крестятся. Молитва перед едой, она самая простая. А есть ещё много других, тёплых, как свечи, мягких, как куличи, красивых, как золотые купола. Не все слова понятны, но все согревают. Почему от тёмных образов светло, почему от непонятных слов всё делается ясным и понятным?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.